

ПСИХОАНАЛИЗ И ПСИХОЛОГИЯ: ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В ПРЕДДВЕРИИ НОВОГО УЧЕБНОГО ГОДА

В редакции “Психологического журнала” РАН состоялась беседа с руководителями московского Института психоанализа: ректором, кандидатом философских наук Сергеем Николаевичем Зимовцом и деканом факультета психологии, доктором психологических наук профессором Владимиром Александровичем Барабанщиковым. Созданный в 1995 г. Институт психоанализа осуществил первый выпуск специалистов по двум направлениям – бакалавров психологии с дополнительной квалификацией “психолог-консультант” и первых дипломированных психоаналитиков (на базе высшего образования). Проблемы психоаналитического образования – основная тема этого интервью.

Вопрос 1: “Какое общее состояние дел в современном западном психоанализе”?

За сто лет собственной истории психоанализ вполне доказал свою медицинскую состоятельность и культурную значимость. Сегодня без этой сферы теоретической и практической деятельности просто невозможно представить себе нормальное цивилизованное общество. На протяжении всего двадцатого века психоанализ то стремительно развивался, то претерпевал расколы, разветвляясь на остро конкурирующие школы и направления, то отступал на задний план перед новейшими модными (и зачастую агрессивными) техниками психотерапевтического характера. Но в конечном итоге его позиции только укреплялись и в концептуальном, и в практическом планах. Международное распространение психоанализа стало неоспоримым фактом его научного признания, эвристической ценности и клинической эффективности.

Особый интерес представляют статус и специфика воспроизводства психоанализа в ведущих западных странах, таких, как США, Германия, Франция, Англия. Ситуация здесь настолько разнородная, что говорить о какой-то общей истории не представляется возможным. В США в большинстве штатов психоанализ законодательно относится к медицинской специальности и его легитимность связана с наличием классического медицинского образования и многолетней практики в стандартных больницах, клиниках или медицинских центрах; психотерапевт, не имеющий медицинского образования, как правило, должен получить специальную лицензию, предполагающую

экзамены по медицине. В связи с этим клинический аспект психоанализа так или иначе является доминирующим по отношению к другим (метапсихологическому, социокультурному и т.д.).

В Германии психоанализ официально входит в структуру страховой медицинской помощи, т.е. любой гражданин, имеющий общий медицинский страховой полис, получает возможность бесплатно пользоваться услугами психоаналитика. Это обстоятельство оказывает большое влияние как на характер психоанализа, так и на пути его развития.

Франция сегодня является наиболее либеральной страной для занятий психоанализом, поскольку она не требует особой легитимизации в государственных структурах. Более того, французские аналитики принципиально не ищут этой легитимизации, руководствуясь простым юридическим принципом “То, что не запрещено, разрешено”. Именно поэтому не так давно принятый *Закон о здоровье* вызвал в Париже бурю негодования в среде психоаналитиков, так как они увидели в нем скрытое наступление на свободу профессиональной деятельности.

Если учесть еще тот факт, что повсеместно сами психоаналитики объединяются в различные общества, ассоциации, объединения, группы, которые зачастую не признают друг друга, оспаривают профессиональную аутентичность, категорически отвергают те или иные базовые теоретические постулаты и технические приемы, претендуют на единственно подлинную позицию в сфере аналитической деятельности, то картина окажется достаточно красочной и противоречивой. Неизбежно встанет вопрос: о каком психоанализе в каждом конкретном случае идет речь?

Не спасет положения дел и существование Международной психоаналитической ассоциации, призванной следовать единым стандартам и критериям, поскольку она объединяет в своих рядах не более 22–25% всех психоаналитиков.

И все же мировой психоанализ существует в качестве единой отрасли. Гарантом этого единства остаются незыблемые условия становления психоаналитика, принятые всеми без исключения аналитиками, а именно: каждый претендующий на эту профессию должен 1) пройти личный психоанализ, 2) пройти супервизорскую практику, 3) получить профессиональное одобрение той

группы аналитиков, к которой он предполагает примкнуть. Таким образом, обязательна особая обучающая процедура и корпоративная ответственность за будущего специалиста. Те, кто не реализовал данные условия, психоаналитиками считаться не будут ни в одной цивилизованной стране мира.

Вопрос 2: “Что представляет собой российский психоанализ”?

Следует ли говорить о том, что психоанализ в России появился давно – еще в 10-е гг. двадцатого столетия? В плане истории – несомненно, но и в плане характеристики современной ситуации, с учетом более чем пятидесятилетнего полного отсутствия и запрета психоанализа, необходимо сделать ряд существенных оговорок. Главное здесь то, что между психоанализом начала века и сегодняшним нет связи поколений, преемственности. Следовательно, о трансляции и развитии специфической российской аналитической школы говорить не приходится. Между тем, многие, занимающиеся психоанализом в России, полагают или делают вид, что являются естественными преемниками и прямыми наследниками аналитиков начала века. Однако сегодня можно говорить лишь о культурном, духовном наследии, в лучшем случае мы можем претендовать на возрождение “психоаналитической традиции”. Это означает, что российский психоанализ еще только должен создать и утвердить свою идентичность в мировом аналитическом сообществе, реализовав (как минимум!) три условия становления психоаналитика, о которых говорилось ранее. Конечно, решение этой задачи так или иначе будет сопровождаться конфликтами, напряжениями, спекуляциями и конкуренцией между нормативно формирующимися и “дикими” аналитиками. Что собственно и наблюдается. В России сейчас действуют около 25 обществ и ассоциаций, объединяющих (хотя на данный момент можно было бы сказать и “разъединяющих”) до пятисот-шестисот человек, “присягнувших” психоанализу (для сравнения: в 20-х гг. в России было 30 признанных членов Всероссийского психоаналитического союза). Из них около 120 ориентированы на нормативные принципы овладения профессией. Проходящих же личный анализ у западных аналитиков (у нас фактически только единицы, уже завершивших его) и того меньше – от силы 15–20 человек.

Не хотелось бы называть “сакральные” имена, или перечислять “реальные” психоаналитические общества, чтобы не создавать дополнительную напряженность в (и без того весьма осложненных) отношениях между отечественными соискателями-аналитиками.

На сегодняшний день основные направления развития российского психоанализа связаны с реставрацией и популяризацией психоаналитичес-

кой культуры, освоением объемного научного наследия и овладением практической стороной дела. Последнее предполагает как индивидуальные усилия – прохождения личного анализа и супервизии у западных аналитиков, периодически контактируя с ними (“челночный анализ”), так и групповые – выполнение обучающих программ с помощью приезжающих в Россию западных аналитиков. Сегодня можно сказать только одно: мы пока учимся психоанализу, учимся быть аналитиками...

Вопрос 3: “Возможно ли получить психоаналитическое образование в России”?

Мы уже говорили об общей формуле вхождения в психоаналитическую профессию. Но не менее значимым является еще один аспект – получение стандартного образования в высшем учебном заведении. И здесь мы сталкиваемся с большими трудностями. Во-первых, вся образовательная деятельность лицензируется у нас Министерством общего и профессионального образования, а это означает, что любые учебные программы должны соответствовать государственным нормативам. По психоанализу же такие нормативы еще не определены и не утверждены. Во-вторых, проблема преподавательских кадров: в какой мере люди, сами еще обучающиеся психоанализу, вправе преподавать? Где найти специалистов по психоаналитической диагностике, клинике, технике, теории и т.д., если эти дисциплины неизвестны нашей профессуре? Кто имеет право проводить супервизии?

И все же возможность получения подобного образования уже существует. В России создано несколько высших учебных заведений, в которых можно пройти базовую аналитическую подготовку. Это, например, Восточно-Европейский институт психоанализа в Санкт-Петербурге (ректор проф. М.М. Решетников); Институт практической психологии и психоанализа (директор Е.А. Спиркина), наш московский Институт психоанализа. Хотя учебные программы этих вузов имеют много общего (их основу составляет программа Лондонского института психоанализа), у каждого из них есть особые достоинства. В частности, московский Институт психоанализа выгодно отличается углубленностью и объемом профессиональной подготовки. Помимо базовых курсов по психологии и медицине, мы стараемся максимально полно представить учащимся грани собственно психоаналитического опыта, нюансы психоаналитических знаний и техники. Наши преподаватели прошли обучение в Англии, Израиле, Германии, Швейцарии, США. Институт получил лицензию на психоаналитическую программу образования по временно принятым нормативам и пока единственный имеет право

ставить в графе “квалификация” заветное – психоаналитик.

Вопрос 4: “Какова перспектива отечественного психоанализа”?

Если говорить о перспективах, то они, на наш взгляд, чрезвычайны (если, конечно, не заикливаться на организационных и административно-юридических проблемах). Мы стоим на пороге не только освоения столетнего психоаналитического опыта, но и перед новыми возможностями, которые открываются в процессе соотношения с национальными традициями. Более профессионально можно сказать, что генеральная линия развития отечественного психоанализа в конечном счете связана с господствующим в нашем обществе типом нормопатии, который устанавливается до и вне всякого психоанализа.

Почему, например, психоанализ не приживается в восточных обществах? Потому, что с их нормопатическими структурами он не может работать. Там не складывается и психоаналитический цех, способный трансформировать основания психоанализа в соответствии с условиями его применения. Чтобы сделать аналитическую работу возможной, психоанализ должен либо “перевернуть умы”, изменить психосоциальную культуру, либо изменить свои собственные базовые характеристики.

Эта проблема существует и у нас. Для реставрации психоанализа нет необходимости слепо копировать концептуальную базу, созданную на основе, скажем, нормопатии австрийского типа конца XIX – начала XX вв. Появиться в России в конце XX века и не претерпеть никакого изменения – невозможно. Именно вследствие неосознанности этой проблемы кросскультурные трансферы и “прививки” психоанализа в России будут сталкиваться с серьезнейшей дилеммой: стимулятивного подobia или реальной практики, насильственно-редуцирующего превращения человека в психоаналитического пациента или его приобщения к действительным психосоциальным генезисам в данной культуре.

По-видимому, это очень продуктивная ситуация. Многие западные психоаналитики считают, что возрождение психоанализа в России – исключительно интересный эксперимент, поскольку сложившееся здесь нормопатическое пространство совершенно иного типа. То, как к нему будет подстраиваться психоанализ, как он будет трансформироваться, и может оказаться его новым прорывом.

Вопрос 5: “Совместим ли психоанализ с академической наукой”?

Взаимоотношения психоанализа с академической психологией, объединяющей различные течения естественно-научной ориентации, носят сложный характер. Здесь обнаруживаются и яв-

ные элементы взаимного аутизма, замкнутости и неприятия, и взаимообусловленность, учет возникающих тенденций, новых результатов, способов познания и практической работы.

Нельзя забывать, что одним из главных источников классического психоанализа стала ассоциативная психология (один из первых вариантов академической науки), подчеркивающая биологический детерминизм и тотальную связь образов, понятий и “внутренних сил”. Ключевое представление З. Фрейда о сознании и основной метод психоаналитической работы (процедура свободных ассоциаций) в значительной степени опирались на идеи и результаты исследований школы В. Вундта. Позднее успехи детской, клинической и социальной психологии существенно повлияли на концептуальный строй и технику психоанализа (работы М. Кляйн, Д. Винникота, К. Хорни и др.).

Психоанализ, в свою очередь, не только по-настоящему поставил проблему бессознательного и показал практическую полезность знания о человеческой психике, но и сформировал ряд важных для психологии понятий: сублимацию, комплекс, защиту, проекцию, перенос и др. Можно по-разному относиться к трактовке либидо, но нельзя не признать, что именно с Фрейда началось глубокое освоение закономерностей организации функционирования и развития мотивационной сферы личности. Не случайно, например, понятие комплекса успешно применялось в лейпцигской школе психологии целостности (К. Крюгер, Ф. Зандер). Механизмы психологической защиты, описанные А. Фрейд, получили развитие в исследованиях “Нового взгляда” (Дж. Брунер, Л. Постмен). Проекционный метод (чернильные пятна Роршаха, ТАТ и т.п.), взращенный в психоаналитической культуре, получил широкое распространение и в академических исследованиях, и на практике. После психометрических работ Г. Айзенка (интро-экстровеитированность человека – одно из оснований юнгианской типологии) стало хрестоматийным измерением личности. Психоанализ в значительной степени стимулировал исследования подпороговых ощущений и восприятия, установки, произвольной памяти, воображения, агрессии. Даже такой, казалось бы, сугубо экспериментальный предмет исследования, как микрогенез зрительного восприятия, который развертывается в течение долей секунды, допускает психоаналитическую интерпретацию (У. Краг, Г. Смит). Символом взаимопроникновения психоанализа и академической психологии в практической области могут служить гештальт-терапия (Ф. Перлз) и транзактный анализ (Э. Берн).

Вместе с тем, академическая психология вряд ли сможет смириться с мифологизацией психической жизни, нестрогим метафорическим языком

психоанализа и невозможностью применения им схем и процедур естественно-научного исследования. Как, впрочем, и психоанализ не собирается отказываться от идеи тотальности бессознательного и толкования на ее основе феноменов человеческого существования. Академическая психология и психоанализ во многом решают сходные задачи, но разными путями и с помощью различных средств. Поэтому и изображения природы человека, которые они дают, оказываются существенно различными, хотя и узнаваемыми.

Долгие годы в нашей стране сохранялось двойственное отношение к психоанализу: на личном уровне – искренний интерес, желание побольше узнать, на официальном – огульное отрицание. Закрытость темы, недоступность даже основных

источников информации приводили к тому, что заочные дискуссии с психоанализом велись понаслышке, без знания предмета “изнутри”, что скорее запутывало, чем проясняло проблему. Начиная с конца 80-х гг. это отношение меняется в сторону полной открытости, более глубокого осмысления сделанного данным направлением, и установления специфики поиска истины, который ведут психоаналитики. Не поучать, а учиться, не осуждать, а стремиться понять, научиться вести диалог – суть новых взаимоотношений психологии и психоанализа.

*Интервью провел редактор отдела
“Психологического журнала”
В.И. Артамонов*